

И.В. КОПЫЛОВ*

I.V. Kopylov*

**Влияние миграции
на рождаемость городского населения
Красноярского края
в 1960–1980-е годы**

**The Impact of Migration
on the Birth Rate of the Urban
Population of the Krasnoyarsk Region
in the 1960–1980s**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-4-13

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-4-13

УДК 94(57)«1950/1980»:314.727

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Копылов И.В. Влияние миграции на рождаемость городского населения Красноярского края в 1960–1980-е годы // Исторический курьер. 2020. № 4 (12). С. 164–173. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-13.pdf>

Kopylov I.V. The Impact of Migration on the Birth Rate of the Urban Population of the Krasnoyarsk Region in the 1960–1980s // Historical Courier, 2020, No. 4 (12), pp. 164–173. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-13.pdf>

Abstract. The article analyzes the relationship between migration and fertility in the urban area of the Krasnoyarsk region in the 1960–1980s, based on the existing scientific groundwork. The main sources are published and unpublished population statistics. The paper considers various hypotheses of the effect of migration on fertility: adaptation, socialization, selectivity, and the gap; describes the historical context of the studied processes. The author studies general indicators of the contribution of migration to the formation of the urban population of the region over the last thirty years of the Soviet period, as well as its impact on the gender and age structure. It was revealed that migration affected fertility primarily through the structural factor, but did not have a significant, provable effect on reproductive behavior. It is proved that in the 1960s the overall fertility rate decreased mainly due to a decrease in age-specific fertility rates, and in the 1970s its growth was mainly due to a change in the age structure of the population with a decrease in the proportion of women of reproductive age. In the 1980s a decrease in the overall coefficient was connected with a structural factor. The obtained results indirectly confirm the adaptation hypothesis, while the hypotheses of socialization, selectivity, and gap have not been confirmed in the course of the study. The conclusion was made that migration has not changed the universal laws of demographic development, despite a definite effect on fertility through the structural factor and reproductive behavior of citizens, that is, the transition of the urban population to the modern type of reproduction.

Keywords: Demographic history; urban settlements; Krasnoyarsk region; migration; fertility; hypotheses.

The article has been received by the editor on 06.05.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на основании имеющегося научного задела анализируется связь между миграцией и рождаемостью в городской местности Красноярского края в 1960–1980-е гг. В качестве основных источников выступает опубликованная и неопубликованная статистика движения населения. Рассмотрены различные гипотезы влияния миграции на рождаемость: адаптации, социализации, селективности и разрыва. Описан исторический контекст изучаемых процессов. Изучены общие показатели вклада миграции в формирование городского населения края в последнее советское тридцатилетие, а также ее влияние на половоз-

* **Копылов Иван Владимирович**, кандидат исторических наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия, e-mail: Kopylov_Ivan@mail.ru
Kopylov Ivan V., Candidate of Historical Sciences, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: Kopylov_Ivan@mail.ru

растную структуру. Выявлено, что миграция повлияла на рождаемость прежде всего через структурный фактор, но не оказала значительного, доказуемого влияния на репродуктивное поведение. Доказано, что в 1960-е гг. общий коэффициент рождаемости снизился преимущественно за счет снижения возрастных коэффициентов рождаемости, а в 1970-е гг. его рост был обусловлен преимущественно изменением возрастной структуры населения при снижении доли женщин репродуктивного возраста. В 1980-е гг. снижение общего коэффициента происходило за счет структурного фактора. Полученные результаты косвенно подтверждают гипотезу адаптации. Гипотезы социализации, селективности и разрыва в ходе исследования подтверждения не получили. Сделан вывод о том, что миграция, несмотря на определенное влияние на рождаемость через структурный фактор и репродуктивное поведение горожан, не изменила универсальные закономерности демографического развития, т.е. перехода городского населения к современному типу воспроизводства.

Ключевые слова: демографическая история; городские поселения; Красноярский край; миграция; рождаемость; гипотезы.

Демографические процессы как в последние десятилетия существования СССР, так и в постсоветский период вызывали и вызывают повышенное общественное внимание, а их изучение нередко политизировано. Споры об «упущенных советской властью возможностях» или же «демографической катастрофе», вызванной распадом СССР, ведутся не только в средствах массовой информации, но и в научной и околонаучной среде. Учитывая угрозу политизации науки, принципиально важным является объективный деидеологизированный анализ демографических последствий социально-экономической политики советской власти, особо ярко проявившихся в районах нового промышленного освоения (РНПО), в т.ч. и в Красноярском крае.

На наш взгляд, в современной демографической истории еще нет (а, возможно, и не будет) таких инструментов, которые позволили бы в полном объеме проанализировать влияние внутренней политики советского государства на все аспекты демографических процессов, особенно репродуктивное поведение; однако вскрыть связь между базовыми процессами рождаемости и смертности с наиболее масштабными последствиями политики промышленного освоения, такими, как массовая миграция, – задача вполне посильная, о чем свидетельствуют имеющиеся исследования и их результаты.

Роль миграции рассматривалась в формировании населения как Западной Сибири¹, так и Восточной², в т.ч. отдельных ее регионов³. Изучены мотивы миграции, ее объемы, структура, направленность.

И в советский, и постсоветский период миграцию рассматривают, прежде всего, как источник формирования населения (большинство публикаций на эту тему содержат именно эту формулировку в названии), а проблеме соотношения миграции и рождаемости уделено куда меньше внимания. Вероятно, это связано с состоянием источниковой базы и неоднозначностью связей между миграцией и эволюцией репродуктивного поведения горожан.

¹ Существующий массив литературы весьма объемён. Здесь и далее указаны лишь последние работы по обозначенной проблематике: *Дашинамжилов О.Б.* Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы. Историко-демографическое исследование. Новосибирск, 2018. С. 142–143; *Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.)*. Новосибирск, 2017. 350 с.; *Кузнецова Я.А.* Роль миграции в формировании населения Западной Сибири в 1970–1980-е гг. (на примере Новосибирской области) // *Проблемы исторической демографии Сибири*. Новосибирск, 2015. Вып. 4. С. 335–347; и др.

² *Славина Л.Н.* Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск, 2007.

³ *Гонина Н.В.* Влияние миграционных процессов на формирование городского населения в Красноярском крае во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2016. № 4. С. 28–34; *Гонина Н.В.* Характерные черты миграционных процессов и их роль в урбанизации Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2018. № 1. С. 125–135; *Тиникова Е.Е.* Городское население юга Красноярского края (1970–1989 годы). Абакан, 2017. 126 с. и др.

В связи с этим, на наш взгляд, на современном этапе изучения миграции необходимо разрабатывать актуальную и для современной России проблему влияния массовой молодежной миграции в городскую местность на рождаемость. Приводит ли это к оздоровлению демографической сферы, повышению рождаемости или, напротив, ухудшает демографические показатели путем перегрузки имеющейся социальной инфраструктуры? В данной статье на основании имеющегося научного задела мы попытаемся сформулировать гипотезу, раскрывающую итоговое влияние миграции на рождаемость в 1960–1980-е гг. в городских поселениях Красноярского края.

Последствия миграции чрезвычайно многообразны и касаются не только рождаемости, но и множества других аспектов общественного бытия и общественного сознания: от уровня жизни до менталитета. Но на демографическую сферу пространственное перемещение населения влияет, прежде всего, посредством воздействия на половозрастную структуру и изменения репродуктивного поведения населения за счет отличающихся норм и моделей поведения (прежде всего репродуктивных стратегий) переселенцев, а также влияния, оказываемого ими на социальную инфраструктуру.

Мигранты нередко бывают носителями отличающихся от «городских» репродуктивных стратегий (особенно если речь идет о сельско-городских миграциях или миграциях из стран с более низким уровнем социально-экономического развития), обусловленных их уровнем образования, социальными нормами и образом жизни. Все это косвенно влияет на рождаемость (например, в Западной Сибири малые и средние городские поселения привлекали преимущественно низко- и среднеквалифицированную рабочую силу, что способствовало повышению рождаемости⁴).

При изучении косвенного влияния миграции на рождаемость возникают существенные проблемы, носящие, прежде всего, методологический характер. Связи миграции с состоянием социальной инфраструктуры, изменениями в общественном сознании и демографической сферой в целом не всегда очевидны, нередко не имеют статистического измерения, источники не всегда обеспечивают наличие необходимых данных, а порой и просто отсутствуют (например, когда речь идет о мотивации к деторождению и ее изменении в 1960-е гг. у мигрантов-сельчан).

Даже в современной социологии, при наличии возможности провести полевые исследования, этот вопрос является дискуссионным (а вдобавок и политизированным). Существуют разные сценарии влияния миграции на демографическую сферу (их еще называют гипотезами), разработанные преимущественно «западными» исследователями: гипотезы адаптации, социализации, селективности и разрыва⁵.

Гипотеза адаптации предполагает то, что мигранты, прибыв в новую среду, или принимают репродуктивные нормы местных жителей, или переходят к ним под давлением местных условий. Следовательно, при таком сценарии миграция не влечет за собой рост рождаемости в пункте прибытия за счет более высокой рождаемости в пункте отправления, если речь идет о сельско-городской миграции.

Сценарий социализации предполагает изначальную схожесть мотивов мигрантов покинуть малую родину (например, стремление построить карьеру или получить образование). Следовательно, если мигранты прибывают в города с целью посвятить себя работе, то это не вызовет роста рождаемости, в отличие от ситуации, когда переезд является частью репродуктивной стратегии и город воспринимается как место поиска супруга.

Гипотеза социализации предполагает определяющее влияние на репродуктивное поведение первых 15 лет жизни и полученные в процессе первичной социализации репродуктивные установки, а также влияние на них числа детей в родительской семье. То есть если

⁴ *Дашинамжилов О.Б.* Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы. Историко-демографическое исследование. Новосибирск, 2018. С. 328.

⁵ Подробнее: *Казенин К.И.* Влияние миграции на рождаемость: сопоставление имеющихся гипотез на материалах Северного Кавказа // *Народонаселение*. 2018. Т. 12. № 1. С. 48–59.

мигрант переезжает в зрелом возрасте, то он сохраняет тот уровень рождаемости, который был характерен для того места, где он рос.

Сценарий разрыва предполагает либо «взрывную» рождаемость в первые пять лет после переезда, либо практически полный отказ от рождения детей (данная гипотеза характерна для тех случаев, когда пункты отправления и прибытия кардинальным образом отличаются друг от друга по уровню жизни и состоянию социальной инфраструктуры, например, при переезде из горного аула в мегаполис).

Стоит отметить, что обозначенные гипотезы не противоречат друг другу, могут дополнять друг друга, а репродуктивное поведение переселенцев может использоваться для подтверждения каждой из них (что, собственно, и делают их сторонники). При этом историки лишены возможности провести полноценное социологическое исследование для получения необходимых для подтверждения или опровержения обозначенных гипотез данных, и, следовательно, не могут включиться в эту дискуссию. Но есть и положительная сторона: историки, в отличие от демографов и социологов, изучающих современность и не имеющих возможности «заглянуть» в будущее, располагают итоговыми данными по развитию населения в конкретный исторический период, имеющий начало и конец. Следовательно, есть возможность предположить, какая гипотеза сработала на изучаемой территории, а какая нет.

Тем не менее предположение остается предположением, и, на наш взгляд, в рамках демографической истории на данном этапе ее развития целесообразно сконцентрировать внимание на тех аспектах демографической сферы, которые напрямую связаны с миграцией и имеют конкретное статистическое измерение.

Одним из ключевых, итоговых показателей состояния демографической сферы является естественный прирост. Он зависит от трех главных факторов: смертности, рождаемости и половозрастной структуры. Именно третий фактор имел в последнее тридцатилетие советского периода устойчивую, доказуемую (и не раз доказанную в специализированной литературе) связь с миграцией. Так, в городские поселения Красноярского края прибывала преимущественно молодежь, что приводило к «омоложению» населения (даже несмотря на низкую приживаемость), замедляло процесс старения, снижало демографическую нагрузку и сглаживало дисбаланс полов⁶.

Исторический контекст рассматриваемой проблематики связан с программами промышленного освоения Восточной Сибири. Новый этап индустриального освоения Красноярского края начался в конце 1950-х – начале 1960-х гг. В 1957 г. на краевом уровне было принято решение о создании Красноярского экономического района⁷, в дальнейшем одобренное бюро ЦК КПСС по РСФСР и утвержденное Советом Министров СССР. В 1960 г. был разработан экспериментальный план развития народного хозяйства Красноярского края на 20 лет, по которому в качестве приоритетного сектора экономики была выбрана тяжелая промышленность, в т.ч. и военного назначения. В дальнейшем он был конкретизирован в рамках «красноярских десятилеток» (1971–1990-е гг.).

На территории края к окончанию советского периода располагалось 5 территориально-производственных комплексов (ТПК) на разных стадиях завершения: Центрально-Красноярский, Северо-Енисейский (Норильский), Саянский, Канско-Ачинский и Нижнеангарский. В теории ТПК представлял собой «эффективное сочетание предприятий одной или нескольких отраслей специализации, размещаемых в пределах экономического района, союзной или автономной республики, области, края и использующих в основном их производственную или социальную инфраструктуру»⁸. И для реализации проектов таких масштабов требовалось колоссальное количество рабочей силы, которой городская мест-

⁶ Подробнее см.: *Копылов И.В.* Старение городского населения Красноярского края в зеркале форсированной индустриализации (1960–1980-е гг.) // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2013. № 4. С. 259–263.

⁷ Постановление бюро Красноярского краевого комитета КПСС от 16 апреля 1957 г. // Красноярский край в истории Отечества. Книга четвертая. 1954–1985. Красноярск, 2001. С. 11–12.

⁸ *Цыкунов Г.А.* Ангаро-Енисейский ТПК: проблемы и опыт (исторический аспект). Иркутск, 1991. С. 2.

ность слабозаселенного края не располагала, следовательно, эта проблема решалась путем привлечения трудовых ресурсов из сельской местности и других регионов страны.

Все миграционные потоки можно разделить на две большие группы: организованные (общественные призывы, оргнаборы и т.д.) и стихийные. Во второй половине XX в. стала преобладать стихийная миграция, а организованная постепенно утрачивала свое значение. Так, оргнаборы, по мнению некоторых исследователей, утратили эффективность как способ закрепления кадров⁹. Тем не менее полностью сбрасывать со счетов организованную миграцию не стоит: такие ее формы, как общественный призыв и направление на работу после окончания учебного заведения, вносили существенный вклад в формирование населения городских поселений, связанных, например, с комсомольскими стройками. Но, в целом, на наш взгляд, именно сочетание плановой экономики и преобладающей стихийной миграции дало эффект перегрузки социальной инфраструктуры городов Красноярского края в рассматриваемый период.

Состояние социальной инфраструктуры способствовало тому, что в 1960-е гг. городское население края обладало высокой миграционной активностью: наблюдался значительный приток населения, но и не менее значимый отток в другие регионы страны¹⁰. Тем не менее в 1960-е гг. доля миграции как источника общего прироста городского населения составила 39,3 % (табл. 1). Наибольшего значения этот показатель достиг в 1970-е гг. (43,7 %). Подобная динамика напрямую связана, во-первых, с интенсивностью процесса промышленного освоения Красноярского края: именно на 1970-е гг. приходилась первая красноярская десятилетка, а во-вторых, с тем, что в это же десятилетие в РСФСР в целом стало прибывать населения больше, чем выбывать. К тому же основной источник переселенцев – сельская местность края, еще не был истощен, а причины переезжать в города не утратили актуальности¹¹.

Таблица 1

Источники роста городского населения Красноярского края в 1961–1989 гг.*

Годы	Источники роста, тыс. чел.				Доля каждого в общем приросте, %		
	общий прирост	естественный прирост	миграция	АТП	естественный прирост	миграция	АТП
1961–1970	412,4	160,2	162,0	90,2	38,8	39,3	21,9
1971–1980	351,4	171,6	153,7	26,1	48,8	43,7	7,4
1981–1989	269,4	183,8	80,6	5,0	68,2	29,9	1,9
<i>Итого</i>	1142,3	553,1	451,3	137,9	48,4	39,5	12,1

*Рассчитано по: Демографический ежегодник Красноярского края. 1996. Красноярск, 1997. С. 17.

В 1980-е гг. миграционный приток в города края стал снижаться, что было обусловлено как общим кризисом народного хозяйства, так и обострением социальных проблем в городах (прежде всего жилищных, а в конце советского периода – продовольственных). К тому же в годы второй красноярской десятилетки акцент был сделан на доработку уже имеющихся объектов, а не на закладывание новых, требующих значимого притока рабочей силы.

⁹ Тиникова Е.Е. Городское население ... С. 35.

¹⁰ Подробно о причинах оттока населения (из числа современных работ) см.: Копылов И.В. Города отвергают своих новоселов: некоторые аспекты урбанизации Красноярского края (1960–1980-е гг.) // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. Новосибирск, 2013. С. 349–354; Гонина Н.В. Влияние миграционных процессов на формирование городского населения в Красноярском крае во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 28–34; Гонина Н.В. Характерные черты миграционных процессов и их роль в урбанизации Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 125–135.

¹¹ Славина Л.Н. Сельское население ... С. 75.

Как говорилось ранее, миграция существенно повлияла на половозрастную структуру населения, «омолодив» ее и сгладив дисбаланс полов. Так, с 1959 по 1979 г. доля женщин в репродуктивном возрасте (15–49 лет), несмотря на процесс старения населения, практически не изменилась и начала снижаться только в 1980-е гг., а численность мужчин в наиболее важных для рождаемости возрастах (20–29 лет) превышала численность женщин (табл. 2), в то время как в среднем по РСФСР за весь рассматриваемый период мужчин было значительно меньше, что создавало проблемы на «брачном рынке». При этом к 1980 г. в городской местности края произошло «сглаживание» половозрастной структуры и соотношение мужчин и женщин в ряде репродуктивных возрастов приблизилось к идеальному, что создавало потенциал (не реализованный) для всеобщей брачности с учетом ярко выраженной ориентации женщин края на сверстников¹².

Таблица 2

Некоторые показатели половозрастной структуры и рождаемости городского населения Красноярского края в 1959–1989 гг.*

Показатели	1959	1970	1979	1989
Численность женщин в репродуктивном возрасте (15–49 лет), тыс.	386,5	554,9	661,7	710,5
Доля женщин в репродуктивном возрасте во всем населении, %	29,82	29,90	29,85	27,05
Специальный коэффициент рождаемости	80,7	55,1	59,8	54,9
Численность мужчин на 1000 женщин, в т.ч. в возрасте	947	919	917	922
20–24	1188	1053	1017	1017
25–29	1151	1109	1064	1040

* ГАРФ. А374. Оп. 31. Д. 4921. Л. 66; ГАКК, Ф. Р–1300. Оп. 5. Д. 2926. Л. 4–7; Там же. Д. 2986. Л. 6–8; Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств к существованию по данным всесоюзной переписи 1970 г. по Красноярскому краю. М., 1970. С. 3. Итоги всесоюзной переписи населения 1989 года по Красноярскому краю. Красноярск, 1990. С. 41–43; О демографических процессах в Красноярском крае. Красноярск, 1988. С. 62.

Таким образом, молодежная миграция в городскую местность Красноярского края (даже с учетом выявленного ещё в 1960-е гг. оттока и низкой приживаемости из-за климата, проблем с жильем и общего состояния социальной инфраструктуры¹³) благотворно повлияла на половозрастной состав населения. Теоретически это должно было благоприятно повлиять на рождаемость. Так ли это?

Роль структурного фактора в рождаемости позволяет оценить индексный метод анализа общего коэффициента рождаемости. Предварительные расчеты свидетельствуют о том, что в городской местности Красноярского края в 1959 по 1970 г. рождаемость снижалась прежде всего за счет возрастных коэффициентов (особенно в возрасте с 25 до 29 лет, у которых они с 1959 по 1970 г. снизились с 136,6 до 96,0¹⁴). Именно они дали снижение общего коэффициента

¹² Подробнее см.: Копылов И.В. Распределение браков горожан Красноярского края по возрасту жениха и невесты в 1960–1980-е годы как характеристика репродуктивной стратегии // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых исследователей. Новосибирск, 2018. С. 95–105.

¹³ Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск, 1964. 105 с.

¹⁴ Здесь и далее данные по структуре общего коэффициента рождаемости и возрастным коэффициентам рождаемости рассчитаны по источникам табл. 2.

ента приблизительно на 19,8 %, в то время как доля женщин в репродуктивном возрасте даже немного возросла, хотя в среднем по РСФСР – снизилась¹⁵.

В начале 1970-х гг. наметился рост общего коэффициента рождаемости, обеспеченный, прежде всего, изменением возрастной структуры населения (изменение доли женщин репродуктивного возраста во всем населении, напротив, сыграло отрицательную роль).

В 1980-е гг. возобновилось снижение общего коэффициента, и оно было обусловлено прежде всего снижением доли женщин репродуктивного возраста во всем населении и изменением возрастной структуры населения. В целом горожане края повторяли общий путь городской местности РСФСР, отличия носили количественный характер.

В результате имеются весьма неоднозначные выводы. С одной стороны, молодежная миграция не предотвратила обвальное снижение рождаемости в городах края в 1960-е гг. (с 1959 по 1970 г. суммарный коэффициент рождаемости снизился с 2,339 до 1,812), с другой – изменение доли женщин в репродуктивном возрасте (возросшей за счет молодых сельчанок) дало незначительный рост общего коэффициента рождаемости. В 1970-е гг. рождаемость повысилась, прежде всего, за счет изменения возрастной структуры населения, но этот рост незначительно превышал рост по всей городской местности РСФСР, хотя интенсивность миграции в крае была гораздо выше среднего уровня. В 1980-е гг. общий коэффициент рождаемости снизился, прежде всего, за счет структурного фактора, но значительно меньше, чем в среднем по РСФСР. Таким образом, за весь рассматриваемый период миграция частично «перекрывала» негативный эффект демографических волн и снижения возрастных коэффициентов рождаемости, но существенного, значительно превышающего общереспубликанский уровень, роста рождаемости не дала.

В порядке предположения на основании вышесказанного и имеющихся данных можно отметить, что модель миграции в городской местности Красноярского края укладывается в гипотезу адаптации. Никакого существенного «всплеска» рождаемости в 1960-е гг. возрастные коэффициенты не демонстрируют, хотя в городах закреплялись преимущественно переселенцы из сельской местности края с более высокой рождаемостью. Это косвенно свидетельствуют об «адаптации» сельских женщин к городским условиям, достаточно быстром переходе к малодетности.

Для подтверждения или опровержения гипотезы селекции недостаточно данных. Немногочисленные социологические исследования, как правило, свидетельствуют о том, что основной причиной прибытия в города края стали очень размытые «личные причины»: именно по ним в города края в 1979 г. прибыло 42,1 % мужчин и 49,6 % женщин. Учиться приехало 11,1 и 12,7 % соответственно, работать и служить – 19,9 и 9,5 %¹⁶. Эти и другие данные не позволяют сделать однозначный вывод. В общем, мы солидарны с мнением о том, что основную причину миграции в города определить невозможно¹⁷.

Гипотеза социализации не получила даже косвенного подтверждения, что делает ее маловероятной применительно к городам края (для прямого необходима статистика с дифференциацией рождаемости у мигрантов и коренного населения с указанием места прибытия). Рождаемость в сельской местности Красноярского края (в 1960-е значимого, а в 1970–1980-е гг. определяющего источника «осевших» переселенцев) в рассматриваемый период была выше, чем в городской, население прибывало в города уже в зрелом возрасте, но значимых сдвигов в рождаемости, исходя из имеющейся статистики, это не вызвало.

Наименее вероятной является гипотеза разрыва. В рассматриваемый период идет процесс если не стирания, то размывания разницы между городом и деревней. Демографическая модернизация затрагивает и демографическую сферу сельской местности, переходящей к современному типу воспроизводства, так что «разрывать» было не с чем. К тому же стати-

¹⁵ Данные по РСФСР взяты из: *Дашинамжилов О.Б.* Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы. Историко-демографическое исследование. Новосибирск, 2018. С. 143.

¹⁶ Миграция населения Красноярского края (по материалам Всесоюзной переписи населения 1979 г.). Красноярск, 1979. С. 46.

¹⁷ *Славина Л.Н.* Сельское население... С. 67.

стика опять же не демонстрирует ни демографического взрыва, ни распространения массовой бездетности.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Ускоренное формирование новых городов и пополнение имеющихся молодыми мигрантами не преломило устойчивые тренды демографического развития Красноярского края, укладывающиеся в русло демографического перехода. Повышение рождаемости за счет структурного фактора стало кратковременным эффектом, не имеющим долгосрочных последствий, следовательно, молодежная миграция не оказала принципиально значимого влияния на рождаемость в городской местности Красноярского края в рассматриваемый период. Переселенцы, прибывавшие в нее, либо выбывали в другие регионы, либо же переходили к репродуктивным нормам горожан края. Таким образом, политика нового промышленного освоения и вызванная ей миграция значительно повысили темпы роста городского населения, перекрыли демографические «волны» первой половины XX в., но не изменили общей направленности демографического перехода в городской местности Красноярского края: снижения рождаемости и перехода к суженному воспроизводству.

Литература

Гонина Н.В. Влияние миграционных процессов на формирование городского населения в Красноярском крае во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 28–34.

Гонина Н.В. Характерные черты миграционных процессов и их роль в урбанизации Ангаро-Енисейского региона во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 125–135.

Дашинамжилов О.Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы. Историко-демографическое исследование. Новосибирск: Наука, Изд-во СО РАН, 2018. 368 с.

Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX в.). Новосибирск: Апостроф, 2017. 350 с.

Демографический ежегодник Красноярского края. 1996. Красноярск, 1997. 182 с.

Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск: [б.и.], 1964. 105 с.

Казенин К.И. Влияние миграции на рождаемость: сопоставление имеющихся гипотез на материалах Северного Кавказа // Народонаселение. 2018. Т. 12. № 1. С. 48–59.

Копылов И.В. Города отвергают своих новоселов: некоторые аспекты урбанизации Красноярского края (1960–1980-е гг.) // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 349–354.

Копылов И.В. Распределение браков горожан Красноярского края по возрасту жениха и невесты в 1960–1980-е годы как характеристика репродуктивной стратегии // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых исследователей. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2018. С. 95–105.

Копылов И.В. Старение городского населения Красноярского края в зеркале форсированной индустриализации (1960–1980-е гг.) // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2013. № 4. С. 259–263.

Красноярский край в истории Отечества. Книга четвертая. 1954–1985. Красноярск: Краснояр. книж. изд-во, 2001. 448 с.

Кузнецова Я.А. Роль миграции в формировании населения Западной Сибири в 1970–1980-е гг. (на примере Новосибирской области). // Проблемы исторической демографии Сибири. Новосибирск, 2015. Вып. 4. С. 335–347.

Миграция населения Красноярского края (по материалам Всесоюзной переписи населения 1979 г.). Красноярск, 1979.

Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск: КГПУ, 2007. 472 с.

Тиникова Е.Е. Городское население юга Красноярского края (1970–1989 годы). Абакан: Бригантина, 2017. 126 с.

Цыкунов Г.А. Ангаро-Енисейский ТПК: проблемы и опыт (исторический аспект). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991, 174 с.

References

Dashinamzhilov, O.B. (2018). *Gorodskoe naselenie Zapadnoy Sibiri v 1960–1980-e gody. Istoriko-demograficheskoe issledovanie* [Urban population of Western Siberia in the 1960s and 1980s. Historical and demographic research]. Novosibirsk, Nauka, Izd-vo SO RAN. 368 p.

(2017). *Demograficheskaya istoriya Zapadnoy Sibiri (konets XIX–XX vv.)* [Demographic history of Western Siberia (late 19th–20th centuries)]. Novosibirsk, Apostrof. 350 p.

(1997). *Demograficheskii yezhegodnik Krasnoyarskogo kraya*. 1996. Krasnoyarsk. 182 p.

Gonina N.V. (2016). Vliyanie migratsionnykh protsessov na formirovanie gorodskogo naseleniya v Krasnoyarskom krae vo vtoroy polovine 1950-kh – nachale 1980-kh gg. [Influence of migration processes on the formation of the urban population in the Krasnoyarsk territory in the second half of the 1950s – early 1980s]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 4, pp. 28–34.

Gonina, N.V. (2018). Kharakternye cherty migratsionnykh protsessov i ikh rol v urbanizatsii Angaro-Eniseyskogo regiona vo vtoroy polovine 1950-kh – nachale 1980-kh gg [Characteristic features of migration processes and their role in the urbanization of the Angara-Yenisei region in the second half of the 1950s – early 1980s]. In *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. No. 1, pp. 125–135.

Kazenin, K.I. (2018). Vliyanie migratsii na rozhdanost: sopostavlenie imeyushchikhsya gipotez na materialakh Severnogo Kavkaza [Impact of migration on fertility: comparison of available hypotheses based on materials from the North Caucasus]. In *Narodonaselenie*, vol. 12, No. 1, pp. 48–59.

Kopylov, I.V. (2013). Goroda otvergayut svoikh novoselov: nekotorye aspekty urbanizatsii Krasnoyarskogo kraya (1960–1980-e gg.) [Cities reject their newcomers: some aspects of urbanization of the Krasnoyarsk territory (1960–1980s)]. In *Regionalnye aspekty tsivilizatsionnogo razvitiya rossiyskogo obshchestva v XX stoletii: problemy industrializatsii i urbanizatsii*. Novosibirsk, Parallel, pp. 349–354.

Kopylov, I.V. (2013). Starenie gorodskogo naseleniya Krasnoyarskogo kraya v zerkale forsirovannoy industrializatsii (1960–1980-e gg.) [Aging of the urban population of the Krasnoyarsk territory in the mirror of forced industrialization (1960–1980s)]. In *Vestnik KGPU im. V.P. Astafeva*. Krasnoyarsk, vol. 4, pp. 259–263.

Kopylov, I.V. (2018). Raspredelenie brakov gorozhan Krasnoyarskogo kraya po vozrastu zhenikha i nevesty v 1960–1980-e gody kak kharakteristika reproduktivnoy strategii [Distribution of marriages of citizens of the Krasnoyarsk territory by age of the bride and groom in the 1960s and 1980s as a characteristic of the reproductive strategy]. In *Aktualnye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh issledovateley*. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN, pp. 95–105.

(2001). *Krasnoyarskiy kray v istorii Otechestva. Kniga chetvertaya 1954–1985* [Krasnoyarsk territory in the history of the Fatherland. The fourth book 1954–1985]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskoe knizhnoe izd-vo. 448 p.

Kuznetsova Ja.A. (2015). Rol migratsii v formirovanii naseleniya Zapadnoy Sibiri v 1970–1980-e gg. (na primere Novosibirskoy oblasti) [The role of migration in the formation of the population of Western Siberia in the 1970s and 1980s (by the example of the Novosibirsk region)]. In *Problemy istoricheskoy demografii Sibiri*. Novosibirsk, vol. 4, pp. 335–347.

(1979). *Migratsiya naseleniya Krasnoyarskogo kraya (po materialam Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1979 g.)* [Migration of the population of the Krasnoyarsk territory (based on the materials of the all-Union population census of 1979)]. Krasnoyarsk.

Slavina, L.N. (2007). *Selskoe naselenie Vostochnoy Sibiri (1960–1980-e gg.)* [Rural population of Eastern Siberia (1960–1980s)]. Krasnoyarsk, KGPU. 472 p.

Tinikova, E.E. (2017). *Gorodskoe naselenie yuga Krasnoyarskogo kraya (1970–1989 gody)* [Urban population of the southern Krasnoyarsk territory (1970–1989)]. Abakan, Brigantina. 126 p.

Tsykunov, G.A. (1991). *Angaro-Eniseyskiy TPK: problemy i opyt (istoricheskiy aspekt)* [Angara-Yenisei TPC: problems and experience (historical aspect)]. Irkutsk, Izd-vo Irkut. un-ta. 174 p.

Zayonchkovskaya Zh.A., Perevedentsev, V.I. (1964). *Sovremennaya migratsiya naseleniya Krasnoyarskogo kraya* [Modern migration of the population of the Krasnoyarsk territory. Novosibirsk]. Novosibirsk, [s.l.]. 105 p.

Статья поступила в редакцию 06.05.2020 г.